

Андрей Львович Ливадный

Первый Мир

Аннотация

Иногда солдатам приходится воевать и после смерти. Вот и кристалломодуль «Одиночка», содержащий в себе сознание погибшего на войне Земного Альянса со Свободными Колониями капитана Гюнтера Шрейба, оказался вмонтирован в боевого андроида. Много веков спустя после окончания Первой Галактической этот андроид вышел из сберегающего режима на планете, которая когда-то называлась Араста. Люди дали ей иное название – Первый Мир. И в этом новом для него мире бывшему капитану довелось спасти из рук похитителя мальчонку, которому было суждено уберечь от

*гибели целую инопланетную
цивилизацию...*

Пролог

ДЫМ.

ДЫМ, ПЫЛЬ, каменная крошка застилала видимость, висели в воздухе, отсекая горизонт.

Выжженная дотла равнина с огрызками руин зданий, завалами покореженной техники — вот все, что осталось от огромной базы Земного Альянса.

За равниной, уже десятки, если не сотни, раз перепаханной воронками, начинались предгорья. Выжженные склоны, покрытые прахом растительности, да первые отроги скал принимали сейчас на себя шквал огня: в глубине скального массива

располагался укрепрайон, где еще продолжали сопротивление разрозненные механизированные группы.

Гюнтер уже не ощущал себя человеком.

Губительная горячка не прекращающегося пятые сутки боя полностью поглотила разум, сожгла остатки души, он забыл, когда в последний раз покидал кресло пилот-ложемента, и лишь система боевого поддержания жизни вела отсчет времени, вновь и вновь заставляя изможденное сознание пилота возвращаться в реальность.

«Фалангер», припадая на один ступоход, подвывая поврежденными сервомоторами, перемещался по бункерам, коридорам и казематам, вырезанным в толще скал, от одной амбразуры к другой, отплевываясь

огнем орудий от наседающего противника.

Ни помощи, ни связи, ни надежды...

Штурмовики Флота Колоний вырывались из клочущей, свиваемой ураганными ветрами дымопылевой завесы, расходовали в течение десяти-пятнадцати секунд бортовой боекомплект и вновь скрывались в дыму, уходя на перезарядку.

Невидимые даже для сканеров тяжелой серв-машины корабли Флота Колоний полностью блокировали планету, отсюда уже не вырваться никому, и яростное сопротивление — лишь дань безысходности, дань ненависти, что годами копилась в душах людей с обеих противоборствующих сторон.

— Граф, Рустам, кто-то слышит меня? — Потрескавшиеся от жажды губы капитана Гюнтера Шрейба едва

шевелились, сильные слова натужно выходили из пересохшего горла.

Ответил только Граф. Рустам Гасанов молчал: либо ушел слишком далеко по системе разбитых коммуникаций, либо отвоевал свое.

– Живой, капитан?

– Пока держусь.

Гюнтер подвел «Фалангер» к амбразуре, специально рассчитанной под габариты тяжелой серв-машины. Ракетный боезапас давно иссяк, и он встретил штурмовики короткими очередями импульсных орудий.

Со стороны казалось — ожила, отплевываясь частыми сполохами статики, складка местности на горном склоне, один из «Гепардов» внезапно сошел с атакующего курса и, объятый пламенем, развалился, перерубленный точно выпущенными очередями; два его ведомых озарились частыми

вспышками запусков, из рытвин и воронок исковерканной равнины по укрытию серв-машины полоснули лазеры установок «LDL-55»¹, десантированных туда со штурмовых носителей Флота Колоний.

Дым, мутные, черно-багряные пузыри разрывов, грохот обвалов – все слилось в ощущение единого ответного удара, искромсавшего скалы, обрушившего тонны камня, обнажившего укрытие в скалах.

Гюнтер закашлялся.

Броня машины пробита во многих местах, боевой скафандр поврежден.

Им никогда не выбраться отсюда. Сопротивление бесполезно и бессмысленно, но сгоревшая за годы войны душа, надломившийся в сотнях боев рассудок не помышляли о сдаче.

¹ «LDL-55» – десантный бот Флота Свободных Колоний. Представляет собой тяжелый лазер на шагающем либо гусеничном приводе.

Пленных офицеров Альянса ждала незавидная участь.

– Граф?

Тишина.

«Фалангер», отработав реверсом двигателей, подался назад, в глубь укреплений, но поздно: по обнаруженному в скалах укрытию ударили плазмогенераторы притаившихся неподалеку БПМ².

Поврежденная броня серв-машины не выдержала, в рубку сквозь пробойны ворвалось пламя, не спас и потерявший герметизацию бронескафандр с истощенным ресурсом. Гюнтер Шрейб даже не понял, что для него война закончилась в этот страшный миг.

Несколько мгновений нестерпимой боли, хриплый крик, вырвавшийся из горла, и сознание провалилось во всеобъемлющую черноту...

² БПМ – боевая планетарная машина.

Штурм укрепрайона прекратился минут через тридцать, когда замолчали все огневые точки.

Упорное и практически бессмысленное сопротивление гарнизона было сломлено, но в недрах проложенных в глубине скал коридоров и залов по-прежнему кипела жизнь, только теперь иная, механическая.

Андройды технической и пехотной поддержки сновали по полуразрушенным коридорам, собирая все ценное, что еще могло послужить целям войны, которую давно вели не столько люди, сколько созданные ими машины.

Готовящиеся к эвакуации с планеты технические сервомеханизмы не обошли вниманием и покалеченный, полностью выведенный из строя «Фалангер» Гюнтера.

Единственной ценностью,

сохранившейся в разбитой серв-машине, был кристалломодуль «Одиночки» – управляющая система, долгие годы находившаяся в прямом нейросенсорном контакте с рассудком капитана Шрейба.

Кристаллосхему осторожно извлекли из отлично защищенного гнезда, но у двух забравшихся в «Фалангер» технических сервов закончились специальные контейнеры для упаковки модулей, и они, не придумав ничего лучшего, остановили следовавшего на погрузку пехотного андроида.

Данная модель человекоподобной машины была оснащена специальным гнездом, куда с легкостью интегрировался управляющий модуль.

Идеальное временное вместилище для бесценного кибернетического компонента.

Пехотный сервомеханизм

равнодушно воспринял установку нового управляющего модуля. Переждав короткую техническую операцию, он продолжил свой путь к единственному уцелевшему штурмовому носителю, на борту которого остатки разгромленного подразделения собирались покинуть планету, эвакуируясь к заранее известной точке сбора.

Для машин не существовало понятия «бессмысленность» — запрограммированные на войну, они продолжали ее, невзирая на потери.

* * *

Штурмовой носитель класса «Нибелунг» стартовал с площадки, укрытой далеко в горах, и почти сразу задействовал гиперпривод, чтобы уклониться от боя с перехватчиками,

выпущенными с кораблей,
блокирующих планету.

Роковая ошибка боевых автопилотов привела к тому, что на центральной консоли управления в обезлюдевшей рубке, рядом с масс-детектором включился счетчик энергоуровней, а на информационном экране появилась злобная предупреждающая надпись:

«Зафиксирован неуправляемый срыв на вертикаль гиперсферы».

Часть 1.

Люди и машины

Глава 1

*Нет, в имени моем тебе — нет никакого прока,
Сегодня я — дитя любви, а завтра, вдруг, — раба порока,
Покрыта инеем листва, — мой белый сон средь душной ночи,
Твои черты, твои глаза, — в прицеле... глупо, больно, точно...*

Гиперсфера. Много веков спустя...

Энергосберегающий режим...

Искорка псевдожизни, частицы уцелевшего сознания, похожие на долгий, затянувшийся сверх меры, обрывочный сон, помутнение контуженного рассудка, когда мир утратил целостность и нет сил собрать воедино осколки бывшего, настоящего, процессы мышления практически угасли и лишь некоторые боевые программы поддерживают функциональность, не позволяя древнему, потрепанному в боях сервомеханизму окончательно отключиться, провалившись в абсолютное ничто небытия.

Вокруг, судя по показаниям единственного, работающего на пассивный прием³ сканирующего комплекса, простирается твердь лишенной атмосферы планеты, над нею

³ *Пассивный прием* – режим работы сканирующего комплекса, когда приборы лишь фиксируют изменения во внешней среде, не производя активного поиска и не выдавая себя направленными излучениями.

высятся горы изувеченной металлокерамики, а дальше царит лишенная звезд пустота.

Нет смысла выходить из состояния стасиса.

Реактор на пяти процентах мощности, внешние раздражители отсутствуют, искусственные нейромодули, так же, как и кристаллосхема «Одиночки», дремлют в ожидании неведомого события.

Так проходит вечность.

Война, отбушевавшая на просторах освоенного людьми Обитаемого Космоса, оставила после себя миллиарды подобных свидетельств; нередко машины, некогда царившие на полях сражений, выходили из состояния «летаргического сна», и тогда происходили страшные, порой непоправимые события. Однако тут, в абсолютной тишине вакуума, под

завалами хаотично нагроможденной техники, основу которой составляли космические корабли, вряд ли чье-то неразумное вмешательство могло сорвать лавину далекоидущих последствий.

И все же энергосберегающий режим древнего сервомеханизма был нарушен.

Остающийся настороже сканирующий комплекс андроида пехотной модификации уловил признаки приближающейся энергетической активности, затем, на границе сферы эффективного сканирования, появились четырнадцать сигнатур, опознанные как энергосистемы боевых скафандров неизвестной модификации.

Внутренний сигнал тревоги пронесся по цепям управления.

Предопределенность действий машины привела ко вполне

предсказуемому результату: реактор вышел на пятнадцать процентов мощности, подав энергию к дополнительным подсистемам боевого распознавания целей, сканирование перешло в активную фазу, теперь пехотный сервомеханизм не только принимал внешние сигналы, но и вел встречный поиск.

Разнообразная информация начала поступать в кристаллосхему модуля «Одиночки».

Во-первых, андроид определил, что лежит на поверхности неведомого мира. Руки были свободны, ноги и торс тонули в мелкой пыли, покрывающей безжизненную равнину.

Транспортировочный контейнер (в котором он должен был находиться, судя по последней технической записи) оказался расколотым, его обломки валялись неподалеку, базовый корабль

высадки, а именно — десантно-штурмовой носитель класса «Нибелунг», на вызов не отвечал, его обшивка, способная выдержать множественные ракетные попадания, была разбита и деформирована, через трещины из подвергшихся декомпрессии отсеков выбросило немало груза, в основном запасные части к серв-машинам, несколько механизмов технической поддержки, часть бортового боезапаса.

Во-вторых, выход из энергосберегающего режима привел к инициации еще одного процесса: модуль программ независимого поведения «Одиночка» обнаружил и задействовал искусственные нейронные сети, входящие в структуру аппаратного ядра человекоподобной машины.

Пока файл сканирования⁴ проходил обработку, а сигнатуры, потревожившие покой пехотного дройда, сравнивались с имеющимися базами данных, в ядре системы протекали процессы, по всем признакам подпадающие под определение «мышления».

Где я?

Клочок памяти, вырванный из контекста событий далекой истории, клочкотал в искусственном рассудке запредельным моральным напряжением боя, но пехотный сервомеханизм уже не ощущал себя человеком, хотя в памяти кристалломодуля тлел призрак *человеческого* сознания.

Шокирующий вывод, к которому пришел искусственный носитель интеллекта, связанный с чистыми, еще

⁴ *Файл сканирования* – вся собранная системами наблюдения информация, сведенная в единый массив данных.

ни разу не задействованными нейромодулями, вызвал программный сбой, который длился всего несколько секунд.

Он помнил свой последний бой, помнил, как заживо горел в рубке сервомашин, не сумев катапультироваться из пылающего «Фалангера», далее царил абсолютный провал небытия, и вдруг частичка разума пилота, сохранившаяся в структуре модуля «Одиночка», начала разрастаться, захватывая искусственные нейронные сети, – травматическая память искала выход, ответ на элементарные вопросы: *кто я и что со мной сделали?*

Ответ пришел, но не принес облегчения.

Кем или чем считать машину, сохранившую фрагменты человеческого сознания, запечатлевшую на искусственных

носителях его боль, ярость, но не жизнь?

Эмоции, сумевшие внести сумятицу в работу кибернетической системы, постепенно улеглись, их нивелировала машинная логика базовых программ поведения, но «возмутители спокойствия» не исчезли совсем, — по замыслу конструкторов, проектировавших боевую технику периода Галактической войны, травматические воспоминания, несущие частицы ненависти к противнику, дополняли и обогащали стандартные боевые программы, придавая машине ту степень сообразительности, осознанной человеческой ярости, которые трансформировали обычного пехотного андроида в нечто более опасное и непредсказуемое.

По замыслу давно почивших

создателей боевой техники, частица человеческого «эго», интегрированная в систему сервомеханизма, получала возможность минимального саморазвития, дальнейшего накопления боевого опыта, именно для этих целей в системе пехотных дроидов резервировались чистые, не заполненные информацией искусственные нейронные сети.

Создатели эрзац-рассудков ничуть не опасались своих творений.

Они были уверены в том, что базовые программы не дадут начаткам искусственного интеллекта развиваться до уровня осмысления целесообразности своих действий, морально-этической оценки происходящего — чтобы пресечь подобные попытки, в системе кибермеханизма был предусмотрен специальный модульный фильтр,

стирающий из памяти машины
нежелательные мысли.

По мнению конструкторов,
работавших в период войны на Земной
Альянс, пехотный сервомеханизм с
интегрированной кристаллосхемой
модуля «Одиночка», снятого с
подбитой серв-машины класса
«Фалангер», продолжит исправно
служить целям войны.

Они ошиблись.

Нет потрясения сильнее, чем
осознание факта собственной гибели и
негаданного, непрошеного
«воскрешения» в механической
оболочке, да и не всякие
травматические воспоминания несут в
себе лишь слепую ярость в отношении
противника.

Крупницы сознания.

Гюнтер...

Меня звали... зовут Гюнтер...

Я был пилотом серв-машины и погиб на далекой планете, в безымянной звездной системе, от которой в памяти сохранился лишь пятизначный номер из универсального навигационного каталога баз данных...

Мощность реактора – сорок пять процентов. Задача: найти оружие, завладеть им, восстановить боеспособность и уничтожить группу вражеского десанта.

Отсутствие связи с базовым кораблем высадки означало включение режима полной автономии.

Еще один маленький, но значимый шаг в сторону свободы.

Сейчас личность Гюнтера Шрейба, капитана триста двадцать четвертого серв-батальона Земного Альянса, раздробленная на частицы обрывочных воспоминаний, не смогла бы сопротивляться внешним командам,

облеченным в форму приказа, но внутренние инструкции пока что не противоречили стремлениям самого Гюнтера, а главное – давали ему время, чтобы фрагменты разобщенной гибелью личности начали цементироваться, создавать непротиворечивую картину окружающей реальности и осознание стремительно возрождающегося внутреннего «я».

Найти и завладеть оружием...

Он пошевелился.

Сервоприводы⁵ работали исправно, а вот связанные с ними сервомоторы были забиты пылью. Нарушена герметичность корпуса. Внутренние датчики показывали, что активные движения повлекут недопустимый износ механической составляющей его

⁵ *Сервопривод* – в отличие от сервомотора, моделирует усилие, которое будет передано на внутренний двигатель для совершения определенной работы.

нового тела.

Обычный исполнительный механизм вряд ли быстро и эффективно справился бы со внезапно возникшей проблемой, но конструкторы Альянса хоть и перешагнули в своем стремлении создавать идеальные боевые машины все грани дозволенного, однако поставленной задачи практически добились – сейчас пехотный сервомеханизм действовал, как человек, находящийся в состоянии аффекта: он двигался, мыслил, стремительно и интуитивно, в нем работали не только боевые программы, но и некий эквивалент инстинкта самосохранения, унаследованный от пилота серв-машины.

Поднявшись из пыли, пехотный дройд сделал несколько шагов в сторону штурмового носителя, левой рукой дотянувшись до свисающего с

борта ДШМ шланга, а правой на ощупь извлекая штатный ремкомплект, хранящийся в специальном отсеке.

Как он и полагал, в резервуарах потерпевшего крушение базового корабля еще оставалось давление воздуха. Задействовав технический разъем, он выдул пыль из внутренних полостей своего корпуса, одновременно зафиксировав места повреждений. Как только пыль была удалена, он загерметизировал трещины в бронированных кожухах специальным составом.

Решение технической проблемы мобилизовало возрождающийся рассудок, он вспомнил, что так сервомеханизмы обслуживания обычно удаляли пыль из сервоузлов «Фалангеров» и «Хоплитов».

Теперь оружие.

Сигнатуры, пробудившие его к

жизни, по-прежнему находились поблизости — они проникли внутрь транспортного корабля класса «Элизабет-альфа», вонзившегося в поверхность планеты неподалеку от разбившегося «Нибелунга», и сгруппировались в одном из отсеков космического корабля.

Оружие.

Пехотные сервомеханизмы не оснащались встроенными системами вооружений, кроме редких узкоспециализированных моделей.

На то имелись свои, весьма веские причины. Вообще история возникновения андроидов пехотной и технической модификаций была самым тесным образом связана с первыми колониальными проектами человечества, эпохи так называемого «Великого Исхода».

В свое время, еще на заре освоения

гиперсферы, для комплектации колониальных транспортов, массово покидавших перенаселенную Солнечную систему, была создана весьма удачная модель человекоподобного сервомеханизма. Если бы Гюнтер имел возможность пролистать современный технический справочник, он бы с удивлением заметил, что ранняя колониальная модель андроидов успешно пережила тысячелетия экспансии человечества к звездам. Менялись эпохи, совершенствовались различные механизмы, но человекоподобные машины модификации «Хьюго» подвергались разве что косметическим ревизиям — совершенствовалась пеноплоть, появлялись дополнительные сервоприводы, управляющие мимикой искусственных мышц лица, некоторые сервомоторы и вставки, имитирующие

анатомическое строение тела, замещались лайкороновыми⁶ мускулами, – в конечном итоге машины стали почти идентичны людям, по крайней мере внешне, но их базовые компоненты, формирующие линию поведения, претерпевали лишь незначительные усовершенствования.

Почему же андроиды сыграли столь значительную роль в колонизации, а затем были легко адаптированы для целей войны? Ответ прост: человекоподобные машины обладали той степенью универсальности, которая отвечала постоянно меняющимся задачам, возникающим как в ходе освоения иных миров, так и при боевых действиях. В конечном итоге, именно это качество позволило сервомеханизмам антроидного типа

⁶ *Лайкорон* – искусственный синтетический материал, способный сокращаться или растягиваться под воздействием специального катализатора.

пережить века и войны, компенсируя некоторые технические недостатки своей широчайшей универсальностью.

Да, во многих сферах деятельности проще использовать узкоспециализированные механизмы, но преимущество человекоподобной машины заключается в том, что андроид способен справиться с большинством вероятных задач, не требуя при этом радикальной перенастройки.

Когда началась война и на полях сражений потребовался технический персонал, а также бойцы пехотных групп, Земной Альянс быстро наладил серийное производство пехотных дроидов, снабдив их такой функцией, как возможность интеграции модуля «Одиночка» в специальное гнездо. Собственно, в наличии или отсутствии подобного адаптера (первоначально

модуль «Одиночка» являлся исключительно носителем боевых программ, нейрочипы в андроидов стали устанавливать намного позже) и состояло основное отличие между человекоподобными машинами Альянса и ранними моделями серии «Хьюго», в большинстве воевавшими на стороне Колоний.

Война, равно как и колонизация иных миров, — зона сложных, непредсказуемых ситуаций. Если перед началом Великого Исхода человекоподобные машины являлись предметом роскоши и средством самоутверждения нескольких ведущих корпораций Земли, то с резким изменением условий выживания для большей части человечества андроиды превратились в незаменимые механизмы, способные гибко реагировать на неожиданные ситуации:

человекоподобная машина, в зависимости от обстоятельств, могла управлять любой адаптированной «под человека» техникой, выполнять тысячи рутинных работ, а при необходимости и взять в руки оружие, встав на защиту своих хозяев...⁷

Оружие...

Сориентировавшись, Гюнтер понял, что до специализированных отсеков «Нибелунга» ему не добраться. По крайней мере усилия выглядели несоизмеримыми задачей. А вот возвышающаяся неподалеку сфера

⁷ «Хьюго БД12» – машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы.

Первый – являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла стать угрозой для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы. Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком путем ручного ввода команд со встроеного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

древнего колониального транспорта с несколькими огромными, уродливыми пробоинами в борту – при крушении он налетел на торчащие из-под пыли скалы – выглядела более доступно в плане проникновения внутрь.

Оружие там обязательно отыщется, в этом Гюнтер не сомневался ни секунды.

Решение несложных текущих задач позволило ему на некоторое время отвлечься, не думать о страшных обстоятельствах своего «пробуждения».

От мысли к мысли, от секунды к секунде, он продолжал ощущать себя человеком, по крайней мере внутренне, и лишь когда взгляд цифровых видеокамер задевал за пылезащитные кожухи, иллюзия вдруг рассыпалась, возвращая рассудку ощущение страшной, непоправимой реальности.

Однако Гюнтер был не из тех, кто опускает руки при первой же проблеме.

Жизнь нас гнула и ломала... пока окончательно не прибила... — промелькнула в возрождающемся рассудке злая, растерянная мысль.

Подумав о себе в третьем лице, он еще больше разозлился.

Осколки личности, мобилизованные стрессовой ситуацией, неотвратимо собирались в целое, модуль «Одиночка» постепенно упорядочивал и размещал осколки сознания Гюнтера Шрейба в чистых нейросетевых блоках.

Гнет базовых боевых программ все еще ощущался как неодолимое давление, стремление действовать определенным образом, но мысли, формирующиеся в искусственных нейросетях, вскоре обещали перешагнуть установленный барьер, получив новую степень влияния на

поведение обыкновенного пехотного дройда.

Гюнтер и при жизни-то никогда не был рохлей, даже жесточайшее из противостояний в истории человечества не сумело окончательно сломать его личность, загнать сознание в рамки конформизма, бездумного, фатального принятия данности: да, он воевал, жестко, умело, но при этом отнюдь не разделял позиций Всемирного Правительства Джона Хаммера, — девятнадцатилетним парнем, брошенный в горнило чудовищной войны, он дрался скорее за собственную жизнь, нежели за мифические идеи надуманного превосходства Земли над Свободными Колониями.

Впрочем, не все ли равно теперь?

Внутренний хронометр пехотного сервомеханизма, в системе которого

очнулось сознание Гюнтера, указывал, что прошли столетия со дня того памятного боя.

Война наверняка давно завершилась, подумал он, осматривая окрестности.

Еще несколько минут назад он обратил внимание на весьма странное скопление техники, среди которой присутствовали космические корабли различных эпох, как военные, так и гражданские, поддающиеся идентификации по внутренним базам данных и совершенно неизвестные.

Первое время он не задавался вопросом: что послужило причиной образования столь причудливого кладбища кораблей на поверхности безвоздушной планеты?

Когда он попытался мысленно произвести анализ ситуации, то в сознании внезапно началась жестокая, лишенная компромиссов схватка,

назревавшая с самой первой секунды выхода из энергосберегающего режима.

Боевые программы на некоторое время вновь взяли верх, толкая его к разлому обшивки в корпусе колониального транспорта.

Тратить внутренние ресурсы на осмысление не касающейся его ситуации боевые программы сочли нерациональным. Отыскать оружие, уничтожить противника, найти выгодное, безопасное место и вновь войти в энергосберегающий режим — вот такой список насущных дел и радужных перспектив диктовало ядро системы.

Все нормально... Все нормально... Все нормально... — бился в нейросетях мысленный голос.

ЧТО НОРМАЛЬНО?!

Гюнтер резко остановился, конвульсивно дернувшись, и едва снова

не упал в пыль.

Паралич сервомоторов, и без того работающих на износ, вызвала короткая, ожесточенная схватка между базовыми программами пехотного сервомеханизма и собранным буквально по частицам человеческим сознанием.

«Момент истины» для машины его типа.

Не просто выяснение внутреннего приоритета команд, а *выбор*, на который отведены мгновения.

Жестокая схватка между бессмысленностью существования рассудка человека в оболочке механизма, являющегося дешевым расходным материалом, рассчитанным максимум на пять-десять минут боя, и смыслом бытия, заложенным в сознании Гюнтера Шрейба, человека, уже однажды пережившего ужас

собственной смерти, не поддается описанию.

Все происходило стремительно, бескомпромиссно.

Не вопрос контроля над сервомоторами решался в эти секунды. Роковые мгновения определяли, останется ли пехотный дройд орудием для убийства или в нем возобладает нечто, чуждое программной логике боевой машины.

Капитан Шрейб и в прошлом не отличался легкостью характера, но сейчас, сумев вновь осознать себя в новой ипостаси, он с особенным, отчаянным упорством боролся за сохранение частиц вернувшейся памяти.

Ступор машины продолжался недолго.

Боевая система сдалась, подчинилась модулю «Одиночка», имеющему

высший командный приоритет, — теперь базовые боевые программы переключались в разряд подсистем.

Гюнтер поднял голову и взглянул на небо без звезд.

Где я? — вновь промелькнул в рассудке безответный вопрос.

Лишенная атмосферы планета, сплошь заваленная различной техникой, над головой угольная чернота, в которой повис сиреневый сгусток энергии, освещающий сюрреалистический пейзаж, да еще, вдобавок к нему, над близким горизонтом застыла изгибающаяся цепочка лун... или планет, похожая на ожерелье.

Одна, две, три, четыре, пять...

Есть ли еще — мешал рассмотреть свет сгустка энергии, по своей форме напоминающего миниатюрную копию галактического диска, однако и

сделанного наблюдения хватило с лихвой: сколь ни скудны были познания Гюнтера в небесной механике, но шесть миров (включая тот, на поверхности которого он находился) не могли располагаться на одной орбите. Разница в массах заставила бы одни планеты выйти на орбиты вокруг других...

Необъяснимое явление с точки зрения здравого смысла.

А что вокруг укладывается в понятие «здравый смысл»?

Где светило системы? Куда подевались звезды, ведь они должны отлично просматриваться с поверхности лишенной атмосферы планеты?

Вот ты и «попал», капитан Шрейб...

Удивительно, как много от человеческого сознания сумел вместить в себя кристалломодуль «Одиночка».

Гюнтер вполне адекватно воспринимал себя, осознавал ситуацию, не пытался строить иллюзий и в то же время испытывал чувства: злость, недоумение, досаду.

Способность мыслить возвращалась стремительно, больше на ум не шли рубленые, штампованные фразы внутренних инструкций, типа: иди туда, возьми то, соверши такое-то действие.

Это радовало, но не настолько, чтобы погасить тревогу и раздражение.

Когда долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя.

Перефразируя, Гюнтер бы сказал: когда ежедневно смотришь в глаза смерти, она рано или поздно доберется до тебя, тут уж – без вариантов.

Добралась. Обманул ли он безносую старуху – это еще как посмотреть. Надежда, конечно, умирает последней.

И Гюнтер истово прислушивался к *своей надежде* , он сейчас не просчитывал шансы на выживание, а упивался самой способностью мыслить...

Жалкий, потрепанный пехотный сервомеханизм, в систему которого по жестокой превратности войны попал достаточно крупный осколок человеческого сознания, не собирался сдаваться.

Делая первый шаг в направлении колониального транспорта после ожесточенной схватки за внутренний контроль, Гюнтер учился заново осознавать себя, не отвергая ничего, присущего его новому телу, его образу мышления, на который все равно накладывался неизгладимый отпечаток машинной логики – ее он также не отвергал, потому что первая заповедь пилота, входящего в ежедневный

нейросенсорный контакт с подчиненным ему боевым сервомеханизмом⁸, гласила: не отторгай свои ощущения, сколь бы необычными, неприемлемыми для человека они ни казались. Не страшись, а используй их, – дольше проживешь.

Та война по всем меркам времени давно завершилась, – вновь подумал Гюнтер. – Значит, люди в боевых скафандрах, чьи сигнатуры пробудили меня к жизни, – не враги?

Спорное утверждение. Окружающая обстановка говорила сама за себя: нормальный человек не забрался бы сюда без крайней нужды. От кого они прячутся или что ищут? Какотреагируют на появление опасного (по любым меркам) пехотного дройда?

⁸ Пилоты серв-машин класса «Фалангер» и «Хоплит» управляли многотонными боевыми механизмами посредством прямого нейросенсорного контакта между разумом человека и подсистемами машины. Посредником в данном процессе являлся модуль программ независимого поведения «Одиночка» – кристаллосхема, оснащенная нейрочипами, где по замыслу конструкторов должны были накапливаться боевой опыт, присущая человеку неординарность действий. На самом же деле модуль «Одиночка» не только накапливал боевой опыт, но и постоянно сканировал личность пилота, копируя ее на искусственные носители.

Поверят ли его утверждению, что внутри кибернетической системы тлеет искра сознания бывшего пилота серв-машины?

Гюнтер не мог в точности предсказать дальнейший ход событий. Вероятности уходили в полную неизвестность. Значит, я по-прежнему один, один против всех. Что ж, привычное состояние для пилота «Фалангера». Может быть, прах капитана Шрейба и развеян по безвестной планете, став почвой, травой, листом дерева, но сознание выжило, и оно все еще находится в цепких объятиях войны.

Жутковатая, не поддающаяся осмыслению реальность, в которой он очнулся, не давала ему ни информации, ни преимуществ, лишь возводила помехи в виде вездесущей пыли и находящихся в шатком равновесии,

наваленных друг на друга конструкций.

За те несколько минут, что прошли с момента его «пробуждения» от энергетической комы, Гюнтер понял только одно: он хочет жить. В теле дройда пехотной поддержки или еще как – не имеет значения. Желание мыслить, чувствовать, осознавать себя, подчинять механическую оболочку собственной воле выходило далеко за рамки тех порывов, за которые он когда-то готов был отдать всего себя, без остатка.

Все познается в сравнении.

Подумалось сейчас, сколько боли, крови и амбиций вобрала в себя жесточайшая в истории война – и что? Где они сейчас, великие адмиралы флота, вершившие судьбы звездных систем?

Их более нет.

А я есть.

С такими мыслями Гюнтер забрался внутрь древнего колониального транспорта.

Конечно, чудо не произошло и не могло произойти. Очнувшееся «я» пехотного сервомеханизма, лишенное частностей, утратившее большую часть воспоминаний о прожитой когда-то жизни, не являлось полноценным сознанием Гюнтера Шрейба. Он помнил собственное имя, род прошлых занятий, обстоятельства, при которых погиб. Он помнил человеческие эмоции и по-прежнему оперировал ими, постепенно постигая весь ужас и всю незавидность положения, в которое попал.

С другой стороны, многочисленные информационно-вспомогательные модули и программы, такие, как блоки технической памяти, базы данных, содержащие сведения о многих

предметах и явлениях, дополняли искру человеческой личности, помогая создать иллюзию целостности мироощущения.

Перерастет ли иллюзия в настоящее, неподдельное самосознание – покажет время.

...Внутри древнего колониального транспорта царил мрак.

Гюнтер поднялся на борт корабля предков в районе криогенных залов.

Куда ни посмотри (а видел он в темноте практически как днем), везде высились и ширились достаточно примитивные отсеки и палубы основной сферы криогенных модулей; даже при крушении их так и не разделило аварийными переборками на изолированные сегменты.

Сотни тысяч несостоявшихся судеб...

На войне Гюнтер видел гибель миллионов, но эти люди покинули

Землю в надежде найти счастье, новую родину, они питали надежды и чаяния, а не уничтожали друг друга в рамках вселенской бойни, поэтому трагизм внезапно оборванных жизнью ощущался тут особенно остро.

Шрейб поднимался по гулким лестницам, проходил мимо не освещенных изнутри, погасших вместе с жизнями людей криогенных камер, думая о жестокой дани, которую брал космос за каждое открытие, каждую колонию...

В мыслях пехотного сервомеханизма, среди хаоса чувств и обрывочных воспоминаний прошлого, нашлось место для крамольной мысли, которая, впрочем, была не нова для капитана Шрейба.

Зачем мы воевали?

Что делили друг с другом в пространстве необъятного, практически

неизученного космоса?

Не он один задавался подобными вопросами. Многие офицеры Альянса, осознавая жестокую бессмысленность войны между Землей и Колониями, попросту дезертировали, переходили на сторону колонистов вместе с вверенной им техникой. Возможно, именно это обстоятельство являлось одной из причин быстрого развития модулей искусственного интеллекта и внедрения их в системы боевых машин.

Всемирное правительство Джона Хаммера, развязавшее Галактическую бойню, не рассчитало масштабов грядущей схватки. Политики всерьез надеялись на маленькую, победоносную локальную войну – так им представлялся захват колоний, на самом деле обернувшийся жесточайшим в истории цивилизации противостоянием, длившимся более

тридцати лет...

Гюнтер понимал: он не единственный *механизм* с интегрированным кристалломодулем «Одиночка», то есть он не уникален, возможно, что тут, среди различных потерпевших крушение кораблей, в странном, лишенном света звезд месте, он встретит других людей, чье сознание, сохранившееся в разных объемах, существует теперь на механических носителях.

Подобные мысли утешали слабо. Он попытался, но не сумел представить сообщество машин, бывших когда-то людьми.

Все происходящее казалось попеременно то бредом теперь уже окончательно погибающего сознания, то глобальным программным сбоем, но, тем не менее, он двигался вперед, к своей цели, а именно — к отсекам, где

хранились техника и оборудование, предназначенные для несостоявшейся колонии.

* * *

Четверть часа спустя, вооружившись, он был готов к встрече с людьми, столь неожиданно прервавшими многовековое оцепенение энергосберегающего режима.

Боевой сопроцессор и связанный с ним вариатор целей по-прежнему управляли сканирующим комплексом, не выпуская «группу противника» из поля зрения.

Утратив полномочия принятия окончательных решений, боевые подсистемы, тем не менее, продолжали навязывать Гюнтеру однобокую, примитивную оценку ситуации.

Ну откуда, спустя тысячелетие, здесь

может взяться «десантная группа противника»?

А ты, Гюнтер? Ты откуда тут взялся?

Справедливый, настораживающий вопрос.

Тот факт, что сигнатуры, предположительно опознанные как «боевые скафандры неизвестной модификации», не идентифицировались по стандартным базам данных, еще ни о чем не говорил. За период, который Шрейб провел в состоянии небытия, у противника вполне могла появиться новая модель гермоэкипировки, да к тому же при таком обилии помех энергетическую матрицу скафандра сложно отличить от сервомеханизма. Предполагать можно всякое, но, прежде чем вступать в бой или идти на контакт, следовало в точности выяснить, кто именно

затаился на борту древнего транспортного корабля.

После всего увиденного Гюнтеру как-то не верилось в версию о людях. По мере накопления информации он стал четко осознавать, что находится на территории натурального кладбища кораблей. Если бы люди были осведомлены о нем, то давно разобрали бы, утилизировали или, по меньшей мере, извлекли бы тела погибших для достойного захоронения.

Система без солнца, небо без звезд, напряженно сияющий энергетический сгусток, неправдоподобные орбиты планет, видимых с поверхности, — буквально все вызывало логический протест, заставляло вести себя с особой осмотрительностью, не давать волю ни надеждам, ни эмоциям, — пусть они остаются на будущее, когда появится больше информации для анализа, а

сейчас, приближаясь к транспортному кораблю, Гюнтер действовал предельно осторожно и взвешенно.